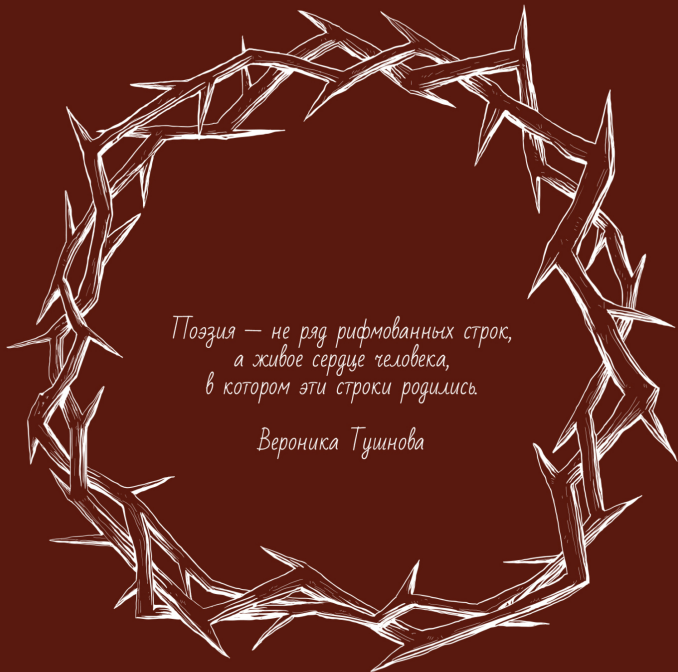

ОЛЬГА ИРБИТ

*Поэзия — не ряд рифмованных строк,
а живое сердце человека,
в котором эти строки родились.*

Вероника Тушинова

ЖИВУ В ТЕРНОВНИКЕ
СРЕДИ ШИПОВ...

Моя строка

Ольга Ирбит
Живу в терновнике
среди шипов...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64036981

*Живу в терновнике среди шипов... / Ольга Ирбит: Издательство "Моя
Строка"; Санкт-Петербург; 2021*

ISBN 978-5-996512-85-0

Аннотация

Книга стихов.

Содержание

Святая простота	6
Жертва зеленого змия	7
Одно муторное воскресенье	8
Загадка	10
Алле	12
Одному секретарю парткома	13
На отъезд сына в Харьков	14
Несколько раз в году	16
Иван Ивановичу Лучку	17
Олечка	18
Читая Н. Мандельштам	20
Подписка – 1988. Ужгород, облоно	21
Одной бандеровке при встрече	23
Ужин на столе, пожалте!	32
Ирреальное	35
Байконур, Лето-60	42
Сыну	46
Дочери	47
Прощание с Байконуром	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ольга Ирбит

Живу в терновнике среди шипов...

*Жизнь заставит
Станешь и поэтом.
Сергей Довлатов*

*Здесь нет ни грана лжи,
Здесь только правда.*

Автор

* * *

Переверну песочные часы.
Песочек тихо заструится.
Вот так же тихо, незаметно,
Проваливаясь и шурша,
Течет – сыпается и наша жизнь....
И вот уж пусто в верхней половине
А что успели мы?

* * *

Невидимые нити, прочнее нет,
Не разорвать, чтоб обойтись без крови.
Поэтому молчать, терпеть, а то...
«Подслушает проклятая, придет...
И вмиг избавит нас
От жизненных забот».

* * *

К обеду ждали сына,
Летали, не ходили...
Вдруг в 6.45 звонок:
Скоропостижно
Ушла из жизни Белла...
Могильным холодом пахнуло...
Хотелось трубку бросить
И не слышать
Нежданную и страшную ту весть..

Святая простота

– В буфете не пробьешься —
Засела цыганва..
– А вы, видать, из высшей расы?
Она сказала гордо
– Да!

* * *

Имя дать – судьбу предсказать...
Моя русская мама
Об этом, наверно, не знала,
В честь подруги – еврейки
Библейское имя дала,
Мне навеки судьбу предсказала!

Жертва зеленого змия

Худа, в чем держится душа,
Глаза косые, во лбу шишак,
Бесмыслен взгляд, блаженная улыбка
И ходит, шаркая, не больно шибко,
Коленки внутрь и шаткая походка.
Замешана тут, видно, водка.
Когда глядишь на то злосчастное создание,
Беда уж не беда, страданье – не страданье.

Одно муторное воскресенье

Посуда бьется к счастью, —
Глаголет белый свет.
Посуду бью да бью я,
А счастья нет и нет...
Но в пятьдесят, как в сорок мама,
«Я счастлива!» – твержу упрямо.

* * *

Я кормила грудью дочку,
Я кормила грудью сына —
Распашонки, ползуночки
– Идеальная картина...
Все тревоги и заботы
Пронеслись как птичья стая...
Дети выросли... забыли...
Стала я совсем седая...
Молодая мама катит
По двору в коляске сына —
Распашонки, ползуночки —
Идеальная картина...

* * *

Я думала, душа моя погибла,
Закованная много лет в броню.
Но встреча этот клапан выбила.
Весь вечер я смеюсь, пою,
Не думаю, что надо быть спокойной
И сдержанной, не верящей в слова,
В отчаяньи не говорю себе,
Что я могу сойти с ума,
Доверчива и простодушна,
Раскованна, слегка пьяна,
Смеюсь, шучу, ору,
Чтоб завтра снова
В броню свою одеться поутру...

Загадка

Передо мною сфинкс.
Глядит с усмешкой,
И за семью печатями
Свое он мненье держит,
То скажет так, то эдак.
Нас за людей не держит?
В больших начальниках —
Сидит молчальником.

* * *

Я слышу каждый день
В лицо и в спину,
И шепотом и громко
От старика и от ребенка:
Жидовка, или жид, жида, иуда»,
Но чаще: «сара».
В лицо – смешки, ухмылки,
А если за спиной,
То мерзкая какая – то возня...
По гнусности сравнить
Все это не с чем!!!

Алле

Где его я отыскала?
– Это вовсе не секрет,
Но такого эгоиста
Больше не было и нет!

Одному секретарю парткома

Вот лизоблюд повыше чину
Купил огромную безвкусную картину.
В глазах людей
Он не ударил в грязь лицом
И выглядел двояко:
И благородным меценатом
И верноподданным солдатом.
А был на самом деле
Двuruшником и подлецом.

На отъезд сына в Харьков

14 коротких лет
Судьбой отпущено нам было
Тебя растить, лелеять и кормить.
Всего четырнадцать, —
А ты, сынок, уже не наш.
Как мало длилось счастье,
А впереди – ненастье.
Но там же, впереди,
Еще немало лет.
Надеемся, всегда ты будешь нам
Хорошим сыном.
Но ты, сынок, уже не наш.
Не знаешь ты, как
Одиноко нам и больно...
Но счастлив ты, и с нас довольно.
Но все же ты, сынок,
Уже не наш!
Не наш!
Не наш!
Уже не наш!

* * *

Байконур для меня —
Это станция Тюра – Там.

Байконур для меня —
Это город Ленинск.

Байконур для меня —
Город всех моих драм.

Байконур для меня —
Дети, муж, «двойка»,
Прошлого тени.

Несколько раз в году

Какая мука – сына
Провожать и ждать!

Какое счастье – знать
Что скоро он приедет!!

Иван Ивановичу Лучку

Как смотрит этика на подлеца,
Обидевшего женщину напрасно?
Врачу: «Сначала исцелился сам!
Теория без практики
И лжива и опасна!»

* * *

Я с детства ненавижу Зависть.
В себе ее я убиваю, как могу,
Вытаптываю, с корнем вырываю
И прорасти в душе ей не даю.

Зато теперь она меня совсем не мучит.
И даже не заходит навестить.
Она хотела бы, да не изучит,
Как подойти, подъехать, извести!

Олечка

Губки как вишенки.
Глазки – озера,
Ангельский голос...
Вот только слова:
«Жид, сара, жидовка, иуда!
Взять автомат, да и всех
Расстрелять»
И людоедское:
«Ну ничего, их пока что еще
Принимают в Израиле...!»
Вот так советская девочка,
Комсомолочка – людоедочка»
Эта – не та,
что у Ильфа, Петрова.
Эта от «Памяти»,
Что у Сычева.

* * *

Я – человек второго сорта
И мне знаком сквозь зубы разговор,
Брезгливые усмешки и кривлянья,

Людская холодность и ненависти взор.
Но терпеливо я тащу свой непомерный груз
И с ним карабкаюсь
На острие своей Голгофы...
Что выпадет: семерка, тройка, туз?
И мимо палачей я молча прохожу
И, вскинув голову, показываю профиль!

Читая Н. Мандельштам

Как! Ничего не ждать
И ко всему готовой быть?
Ну, дудки! Черта с два!
Уж лучше в голос выть,
От злости об стенку биться головой,
Рвать волосы, смеяться над собой...
Но только не сдаваться,
Быть!

Подписка – 1988. Ужгород, облоно

– Вы на журналчик «Израиль»
Подписку сделать не хотите?
Как говорится, оживленье в зале.
И вот уже на все лады:
«Израиль, Израиль»,
Всеобщий шум, злорадное веселье,
Язвительный смешок.
Смешно им все:
И что журнал дешев,
И что выходит лишь раз в году.
А сколько злого наслажденья
Им доставляет слово «Израиль».
Как глубоки те чувства брезгливости,
Пренебрежения, как не приемлет
Их ослиная душа чего – то,
Что на них хоть каплю не похоже.
Ну а о степени злорадства,
И ядовитости и желчности
Уж я не говорю!
Где происходит сей шабаш?
В аду, в Германии 30-х,
В стане дикарей?
Кто перед нами: ведьмы,
Ведьмаки, фашисты или папуасы?

А может быть бандеровцы?

Нет, то интеллигенты,

То наше областное Просвещение,

Которое должно разумное и вечное посеять.

Да! Далеко же мы ушли.

Воротимся ль назад?!

Одной бандеровке при встрече

Сейчас ослицыны отверзнутся уста...

О. Боже мой! За что такая кара!?

И точно, вот уж вслед

Протяжным полушепотом

Несется издевательское, «с – а–а–ра!»

* * *

Судьба, смесь, меня погладит по головке.

И тут же по затылку – шварк!

Не привыкай к хорошему!

Каракатын и только!

(каракатын – черная женщина – казахск.)

* * *

Ах, Судьба!

Непосильную ношу ты мне удружила,

Но спасибо тебе говорю я за то,

Что мне силы даешь эту ношу нести!

* * *

Время уходит
Время не ждет.
И вот на подходе
С косой у ворот
Смерть притаилась.
В щелку глядит,
Что – то бормочет,
Злобно шипит.
Я говорю ей:
«Рано пришла!
Иди погуляй – ка,
Что за дела?
Да посмотри на себя:
Ну и вид!
Скрючилась, скорчилась,
Как инвалид,
Грязная, злая,
Тоща, как скелет.
Больная, босая,
К тому же косая!
Пойди приоденься,
Пойди причешись,

Пойди приберись.
Женщина ты или нет?!

* * *

Смерть на меня
С изумленьем глядит,
Не веря своим ушам.
И вроде уходит,
Но пальцем грозит:
«Много тебе не дам.
Ты от меня
Не уйдешь все равно,
Бегай пока
В ресторан и кино,
Музыку слушай,
Сладости кушай,
Кофе и чай поглощай,
Но память храня,
Помни меня.
Ну а покуда прощай!»
(Как вариант концовки:
– Ну – ну молодись.
Убегай от инфаркта
Но у тебя уже битая карта
Кофе. да книги —

И все, что осталось,
А это такая малая малость.
Скоро сама ко мне
Будешь проситься.
Ведь время течет, как река,
Уходит в песок, умирает, дробится...
Так я не прощаюсь. Пока!)

* * *

Было время —
Носила я обувь на шпильке.
Отпелось, отспорилось.
А теперь на ноге,
Как картинка,
«Прощай, молодость».

Было время —
На работу, с работы —
Челноком,
А теперь в магазин
Да в аптеку —
Все шажком.

Байконурская юность.
Мо – то – воз.

Мне сегодня взгрустнулось,
Не спалось...

* * *

Зачем – то человек рождается
Из омута судьбы и бытия.
Действительно, зачем – то он рождается.
Зачем – то родилась и я.

Уж не за тем ли,
Чтоб от злого слова
Сгорала, корчилась моя душа.
Со временем из пепла воскресала снова
И снова плакала, стеноя и дрожа?!

Прискорбно это сознавать,
Но от людей я ничего хорошего не жду
Поскольку на костре из мерзких слов,
Злорадных, гнусных, гаденьких ухмылок
Сгореть мне предстоит.

Нет, Родина, не мать ты мне,
А злая – злая мачеха – КАРАКАТЫН!
Наверное, у каждого из нас
Свой черный человек...

Сгибается под тяжестью душа
В злосчастной сей стране
В злосчастный наш
Двадцатый век!!

* * *

На работу я утром иду,
Неожиданно:»сара!», смех...
И в мгновение автоматом
Вскинул руку свою с «автоматом»
И, играясь, меня:»Тра – та – та – та – та – та» —
Расстрелял пионер тот лобастый,
Уж не жить мне, не петь.
Хотя понарошку пока, не беда,
Мне всего пятьдесят,
А ему уж тринадцать —
Он вполне еще может успеть..
Другой в Анталовцах,
Сумняшеся ничтоже: против, за —
Сказал со злобным радостным напором,
«Давайте, мы ей выколем глаза!».

* * *

Бредни фюрера Углова
Очень нравятся кому – то:
Трудно нам без инородцев
Свинство наше объяснить.
Виноваты инородцы,
Изуверы – иноверцы
Спаивают, водка льется...
Что ж нам делать,
Как нам жить?!

* * *

Антисемитизм – есть позор человечества.
Антисемитизм – это страх, это стон, это боль.
Антисемитизм и в моем есть Отечестве.
Антисемит с наслаждением
Играет позорную, мерзкую роль.
Ну ладно – Васильев из «Памяти».
Ну ладно – графоманы Шевцов и В. Иванов
Бог с ними Куняев, Углов.
Но Бондарев, Распутин, Астафьев, Белов
Как докатились до роли такой?

Усердно ищут родного народа «врагов»,
Заранее отпевая им упокой.
Евреев винят во всех смертных грехах
За черной сотней и Гитлером вслед.
Извилины есть ли в дремучих умах?
Ох, напророчат эти кликуше – вещатели бед!
Евреи все у них иуды да предатели —
Остановитесь, русские советские писатели!!

Фашизм начинался помпезно и грозно
И уничтожил миллионы людей.
Но немцы хватились настолько поздно,
Что сами подавились от своих затей...

* * *

Напротив памятника Пушкину в Москве
Два ражих молодца вещали,
Что брак евреев с русскими недопустим.
Что тут сказать?
Пожалуй, вот что —
Не слушайте вы их,
А выходите, девки, за евреев замуж.
Получите хороших, файных вы детей.
Талантливых, жизнеспособных,
Красивых, умных, добрых и здоровых,

А не каких – нибудь ублюдков
Жалких, узколобых,
Или мутантов дюжих низколобых,
На все и вся готовых злиться
До скончанья дней.
Желаю вам успехов в этом деле!
Желаю также вам прожить лет сто!
Надеюсь, вы в любви поднаторели
И не упустите удачу ни за что!

* * *

Мы в детстве ждем Иван – царевича,
А в юности кого – нибудь попроще...
Вот кто – то в гимнастерке с горочки
Спускается не венчаный,
И ветер ему волосы полощет...

Нет ничего страшнее в мире одиночества.
В подъезде кто – то пробежит и громко ухнет..
Один лежит и телевизор смотрит
В комнате его высочество,
Я одиноко жарю блинчики на кухне...

Ужин на столе, пожалуйста!

Русская народная сказка для простаков и дураков

(Или фантазии на темы книг. Ф. Углова и В. Иванова)

Однажды в пригороде Ленинграда
Справляла день рожденья сына
Одна прекрасная, безалкогольная, как надо,
Ну, и, конечно, русская семья.
Все было хорошо в саду и дома,
Но надо же такому приключиться,
Чтобы в ряды гостей втесался некий Сема,
Рубильник – нос и черные глаза.
Вино гостям он подливал
И уговаривал их выпить.
Но сам – ни боже упаси —
Пригубит лишь и в кактус выльет.
Когда же гости собрались домой,
То на машине с ними ехать отказался —
Он очень дорожил собой,
Хотя поехать раньше обещался.
Поехал же на поезде домой.
А те, которых он коварно опоил,
Разбились вдребезги,
Так как шофер был в стельку пьян..

Так Сема миром завладел,
То тут, то там он правит бал.
Ведь оказалось, в конце концов,
Посланец он семи сионских мудрецов.
Известно, что они составили программу
Не менее 3 тысяч лет назад
Как миром завладеть и русских
Всех утопить в вине подряд.
Так Сема выполнял коварный этот план...

Эй, в «Памяти»,
Жидо – масона, сиониста этого ищите!
Ну, что, нашли?
Ату его, во всем вините, доводите!
Глумитесь, издевайтесь, насмехайтесь!
Травите, обзывайте, оскорбляйте!
Ну, выгнали? Уехал он от нас на Запад?
Теперь его скорей анафеме предайте.
При сем на общее молчанье уповайте!
И азм воздастся по заслугам вам!

* * *

Христу надели на чело венок терновый,
Меня засунули в терновник целиком.

Сюжет, как видите, не новый.
Нам по Евангелю знаком.

Пою в терновнике который год.
Ломая перья, истекая кровью.
Неужто же спасенье не придет?
Не будет для меня конец злословью?

И я опять пою в терновнике среди шипов.
И голос мой звенит от счастья.
В чем счастье? Чтоби жить, без дураков,
Чтоб петь и заливаться трелю в дни ненастья!

Ирреальное

Я так хочу тебя обнять, но нет меня —
Я умерла и в шар земной зарыта.
Я так хочу тебе сказать,
Как я люблю тебя, но нет меня.
И тень моя забыта.
Я так хочу на празднике твоём
Сидеть хотя бы в уголке дивана,
Но нет меня. Жалеть не надо мне о том,
Что я ушла из жизни рано.
Я так хочу узнать, что было дальше у тебя,
Но нет меня, и жизнь моя не повторится.
Я так хочу уверовать, что все в порядке у тебя,
И ничего с тобой плохого не случится!
Но нет, но нет, давно уж нет меня...

* * *

Мы раны лихо так
Наносим нашим близким,
Что не зажить им и за годы.
Хранят потом на нас обиды
Длинным списком.

Учиться б нам
У матушки – природы!

* * *

«Мы живем среди негодяев» – сказал драматург.
Это он очень верно сказал.
Наши души спаси и помилуй,
Сохрани в чистоте, Демиург,
В нашей дикой и темной империи Зла.
Как нам жить в этой грязной.
Преступной, похабной стране,
Где на каждом шагу мат,
Коррупция, хамство, ложь?
Из народа мы вышли, а теперь – населенье.
С населения много ль возьмешь?
Самых лучших взяла революция,
Войны и личности культ,
А осталось одно дерьмо,
И не нужен у нас никто никому.
Нам теперь уже все все равно.

* * *

Хочу поверить в перестройку,
Но не могу пока.
Пока живу я серым волком,
Затравлен, впалые бока.
Пока охотник целит метко,
Взведен курок,
Пока грохочет перестрелка,
Изранен бок.
Чу, вот слышна уж перекличка,
Но через пять минут
Те, что стреляли нас по спискам,
Сюда идут...

Это мы, господи!

* * *

Никто у нас и никому не нужен
Ни матери дитя и ни ребенку мать.
Ни ветераны, ни воины – афганцы,
Ни изобретатели:
Катись – ка все оно к такой – то матери!
Вино, жратва да бабки,
Да золотишко, да хрусталь,
Да заграничные манатки —
Вот цель и счастье!

Все остальное нам ничуть не жаль.

* * *

Нет, мне жалости не надо,
А жалельщиков – тем паче!
Очень жалко, говорите?
Ну так вы еще поплачьте.
Уроните пол – слезинки
На заветную могилку.
Не забудьте о платочке
К распрекрасным глазкам.
Только я давно не верю
Ни слезам, ни сказкам!

* * *

Когда же ты, Мессия наш, придешь!?
Свои персты вложишь в кровавы наши раны?
Накормишь Манной, слезы оботрешь?
Научишь жить и петь тебе Осанну?

Боюсь, что этого не будет ничего
И никогда мы не дождемся чуда

Давно уж мы не верим ни во что и ни в кого.
Уйдем мы так же в Никуда,
Как и пришли мы Ниоткуда!

* * *

Не ест антисемит, не спит.
Душа скорбит, язык свербит.
И жизнь ему не в радость.
Лишь об одном мечтает всласть,
Как в палачи попасть!

* * *

Возьму тоску, возьму печаль
И мужество и волю,
Терпенье, ненависть и злость,
Презренье, ярость, боль и злую долю.
Да буду добавлять и вновь и вновь
Надежду, Веру и Любовь.
Потом все это переплавлю в ложке,
По каплям выльются стихи
Получше и поплоче,
Но, как одно, горьчей горьчайшего лекарства.

Их не отдам и за полцарства:
Растравят, разбередят душу,
Потом омоют чистою слезой.
И вроде можно жить...
И даже песни слушать...
И даже петь самой...

* * *

Экскурсовод на киевском трамвае
Нас пригласила в Бабий Яр
И рассказала, что тут в предвкушеньи рая
Продельывал фашистский генерал.

И рассказала нам она,
Как молодая мать
Перед расстрелом
Грудью накормила сына...

И я представила себе
Всю эту жуткую картину.
И с ужасом смотрела я
На кисти красные рябины,

И слышала и крик и стон
И громкий стрекот автомата...

Но тут моя случайная соседка
Произнесла раздельно и злорадно:

«Так им и надо!

Мне в руки автомат бы дать,

Я б расстреляла их опять!»

Все промолчали, в том числе и я...

Так что же мы за люди,

Если рядом с нами, очень близко

Идет стрельба

по Памяти и Обелискам!

Байконур, Лето-60

Тихо вокруг, только звезды горят,
Мне о тебе, о тебе говорят.
Слышишь ли ты эту песню мою.
Смотришь ли ты
В эту ночь на Луну?
Маленький сын
Скоро будет у нас,
Уж недалек
Долгожданный тот час.
Будет сынок наш расти – подрастать
Будет шалить он, резвиться, играть.
Важно не то, как его назовем
Важно не то, кем он станет потом,
А чтоб человеком хорошим он был —
Добрый, отзывчивым, честным, простым.

* * *

Липкие, наглые, злобные взгляды.
И короткие, исподволь, как укусы.
Кривые ухмылки, как нож из – за засады,
Злорадства мелкого гнус.

Мерзость и пакость, подлость и лживость
Слов, что в спину звучат...
Уж и не знаю, как приключилось
Попасть на Земле в Ад!?

* * *

Живешь, спешишь, бежишь,
Торопишься, несешься —
Потом как будто бы споткнешься.
И вдруг, я вам скажу,
А вы уж верьте иль не верьте —
Появится какая – то полу – звериная тоска
Напополам со страхом смерти...
То крик души, то сердца боль,
Что чувствует судьбы измену.
О, Боже мой!
Верни мне вновь
Любовь, Надежду, Веру!!

* * *

Перестройка – перестрелка – переключка,
Отворачиваю беленькое личико.

Правда – кривда – ложь—
Басня – анекдот – намек —
Добрым молодцам урок, да не впрок!

* * *

Я пройду, как королева,
Нос высоко задеру.
И ни справа и ни слева
Не отвечу на хулу.
Пусть их треснуть хоть со злости,
Пусть кондрашка хватит их,
Пусть подавятся, как костью,
Желчью подлых слов своих.
Без вины мы виноваты,
Потому сдается мне —
Эти всем дегенератам
Вечно плавиться в огне!

* * *

Люди помогут,
Люди научат.,

Люди охают,
Люди измучат.

Люди накажут,
Люди проучат.

Люди убьют,
Люди спасут.

Сыну

Чтоб дальше с нами ни случилось,
И что бы там ни приключилось,
Ты никогда нас не забудешь.
Как не забыть ни горы, ни пустыню и ни море,
Но будешь чувствовать
Не муку, не тоску, не горе —
Мне этого ничуть не жаль!
А только светло – светлую печаль!
И будешь также ты своих детей любить,
А те – своих:

Добро должно добро родить,
А иначе не стоит жить!

Дочери

Когда меня совсем не станет,
Не упрекай себя. Назначь
Лишь ежегодный день поминок.
И в этот день по мне поплачь.
Поплачь по мне.
И легче станет.
Когда нас помнят,
Это тоже нашей жизни лоскут.
В другом мы как бы городе живем,
Куда нельзя приехать в отпуск,
Лишь насовсем...
Прощай!

* * *

Я, видно, родилась без кожи —
Так говорят,
Что остро чувствую полутона,
Полу – иронию и полу – взгляд.
Пошла к врачу: «Не можете – ль помочь?»
Ужасно тяжело живется,
А иногда совсем невмочь!»

Но мудрая мне женщина сказала:
«Хотите быть бесчувственным бревном,
Тяжелою безрадостной колодой,
Иль серым безучастным пнем?
Страданье тяжело?
Но без него нет жизни!
Так, испокон веков известно,
Что пища нам без соли пресна.
Да ведь богатство чувств – такое счастье,
Дается далеко не всем и не всегда.
У Жизни есть всему Гармония и Мера.
Уймись! Смири гордыню,
Да молись и в ведро и в ненастье,
Чтоб Бог послал твоей душе покой и веру!»
И я ее послушалась
И я пошла,
И я живу, и я молюсь
И я страдаю,
И я пою, и я смеюсь.
И я от счастья просто умираю!

* * *

Большое мужество необходимо,
Чтобы поднять людей в разведку боем
И самому шагнуть вперед.

Не меньше мужества откроем
Мы в космонавтах перед стартом – боем, —
Перед посадкой в вертолет.
Но в повседневной нашей жизни —
Чтоб дольше ею дорожить,
Тут мужество подчас в цене другое —
Чтоб просто жить!
Чтоб просто – просто – просто жить!

* * *

Жизнь сказала Имяреку:
«Что задравши ходишь нос?
И ни «бе», ни «кукареку»,
Отвечай на мой вопрос!

Думаешь, ты всех умнее
И красив, как Аполлон?
Посмотри на дуралея,
Как собой он упоен!

Я вас всех возьму за глотку,
Пропишу кардебалет:
Или пить заставлю водку
Или злиться на весь свет.

Был ты умным – станешь глупым,
Добрый был, а станешь злой.
Был румяный – станешь трупом,
А из русого – седой.

Смелым был, а станешь трусом.
Был прямой – согну дугой.
Слышал ты – как ни верти,
Жизнь прожить тебе не поле перейти.»

Имярек покорно слушал,
Даже возражать не стал.
Лишь взмолился:»Жизнь, послушай,
Что такое я сказал?
Что я сделал?
Чем напасти я такие заслужил?
Не обманывал, не хвастал,
Не ловчил, не доносил.

Чем тебя я обозлил так?
Что такое натворил?
Ведь сказать тебе по – правде —
Я тебя боготворил!»

«Слишком боек, слишком счастлив
И беспечен ты бывал.
Слишком весел и удачлив,
Безрассудства затевал.

Только в спешке вот частенько
Про меня ты забывал.
Ну а я люблю степенность
Умудренность, постепенность,

Рассудительность и трепет,
Уважение и страх...
И не слышу я твой лепет.
Весь предо мной в долгах!!»

Имярек тут рассердился:
«Елки палки, лес густой!
Что же мне на цепь садиться,
Я ведь парень холостой!

Я согласен по Голгофе
Прогуляться хоть когда,
Но скажи – ка есть там кофе
И другая ерунда?

Кто, когда, чего там ест?
Или это невозможно,
И для каждого лишь крест
Возвышается надежный?

Знаешь что? Идешь? Иди!
Да под ноги – то гляди,
Не споткнись неосторожно,
Да смотри, не упади!

А раньше времени не каркай,
У меня все впереди!»»

Прощание с Байконуром

2 июня 1979 года

Утро. Космодром Байконур.
Домик Королева.
Ветер Кара – Кумов.
Июньская обнова —
Розовый куст шиповника.
Вертолетики разноцветных стрекоз.
К старту узенькая бетонка.
Горячей земли горсть.
Жаркое солнце пустыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.